

С. Т. КОНЕНКОВ

Мое знакомство с И. П. Павловым

Это было летом 1929 г.

Мы с женой только что вернулись в Америку из Италии, где мы длительное время жили в Риме и гостили у Алексея Максимовича Горького.

В Нью-Йорке доктор Ф. А. Левин, профессор Рокфеллеровского института, сообщил мне, что в США для участия в психологическом и физиологическом международных конгрессах приехал мой знаменитый соотечественник академик Иван Петрович Павлов.

Доктор Левин всегда с восхищением говорил о Павлове, считая себя его приверженцем.

— Сейчас самый подходящий случай вылепить с натуры выдающегося ученого, — говорил мне доктор Левин.

И действительно, когда у Левина я встретился с Иваном Петровичем, он охотно согласился мне позировать, объяснив, что только во время научных командировок за границу он несколько изменяет свой рабочий режим и только теперь располагает свободным временем.

Иван Петрович с первой же встречи произвел на меня большое впечатление. Он поразил меня своей простотой и непосредственностью. У меня сразу же появилось ощущение, будто я давным-давно хорошо знаю этого человека.

Недаром говорят, что глаза — зеркало души человека. А глаза у академика Павлова необычайно ярко выражали всю пытливость и горячую темпераментность этого мудрейшего и веселого человека.

Мое профессиональное внимание скульптора привлекли и выразительные руки ученого, которые позже были с таким мастерством изображены художником М. В. Нестеровым в его замечательном портрете И. П. Павлова.

Во время разговора Иван Петрович очень естественно жестикулировал. Слова и интонации сливались с движением жилистых рук. Это были руки хирурга, руки трудового человека.

Мы пили чай с медом, и Иван Петрович очень живо рассказывал о трудолюбии пчел. С детства влекли меня к себе пасеки и пасечники. И вот таким пасечником, проникшим в тайны природы, показался мне и сам Иван Петрович.

Так интересно было его слушать. И разговор его был очень русским. Каждое слово было к месту. Видно было, что наши народные пословицы вошли в плоть и кровь моего собеседника. Он то заразительно смеялся, то как-то выжидающе пронизывал слушавших острым, но доброжелательным взглядом своих голубых глаз.

Павлов подробно расспрашивал меня о Горьком, о состоянии его здоровья.

В следующий раз мы встретились у меня. Иван Петрович вместе со своим сыном Владимиром Ивановичем приехал точно в условленное время.

Не теряя времени, я приступил к работе.

Мы только недавно поселились в этой квартире. Мои скульптуры еще были не распакованы, и в студии было пусто.

Мне очень хотелось облегчить Ивану Петровичу позирование. Я усадил его на обычный стул и сам сел невдалеке, будто я собрался не лепить, а только хотел продолжить нашу увлекательную беседу.

Для глины я приспособил низкий и небольшой столик. Было жарко. Иван Петрович снял серый пиджак и привычным движением быстро засучил рукава.

Иван Петрович сидел передо мной, положив ногу на ногу. Свои руки он держал на коленях, словно хотел сдержать их порыв.

Между мной и «моделью» сразу уже возникли взаимоотношения, о которых трудно рассказать словами.

Я чувствовал, что Иван Петрович проявляет интерес к моей работе.

Первые минуты создания нового произведения всегда памятливы. Только начинаешь придавать глине нужную форму, как пальцам передается особая настроенность. Так рождается творческая одухотворенность.

Мне хотелось в скульптурном портрете Павлова передать всю проникновенность его умных и веселых глаз, так выражающих выдающуюся силу ученого.

В короткие перерывы во время сеанса Иван Петрович подходил к огромному окну, из которого открывались и городской пейзаж, и летнее небо.

Павлов обрадовался, когда увидел из окна самолет, набиравший высоту.

— Послушайте, а ведь как интересно жить! — воскликнул академик.

Из этого же окна мы увидели и дирижабль, совершавший свой регулярный рейс.

Иван Петрович оживился и вспомнил, как в детстве он зачитывался книгами Жюль Верна.

— Цепелин все мечты Жюль Верна побил. Владимир! За сколько часов он океан перемахнул? — спросил он сына.

Разглядывая Нью-Йорк, Иван Петрович с гордостью вспоминал Ленинград. С какой любовью говорил он о своем родном городе на берегах Невы, о Васильевском острове и Летнем саде!

Иван Петрович вспоминал и родную Рязань, заливные луга над Окой, картину Левитана «Над вечным покоем...». Слушая Павлова, я также переносился в родную Смоленщину и вспоминал милую моему сердцу красавицу Десну.

Жаль, что никто из присутствующих хотя бы по памяти не записал тогда душевные речи Ивана Петровича — открытого человека, которому так чужда была всякая дипломатия.

Павлов прекрасно знал русские сказки, множество народных сказов и прибауток.

Как-то вспомнил он о Снегурочке, улыбнулся и словно помолодел: «А вы знаете, моя маленькая внучка удивительно похожа на Снегурочку. Мы ее и называем Снегурочкой. А какая она хрупкая и нежная... Вот-вот растает, как Снегурочка», — застенчиво и тихо сказал Иван Петрович.

Мы много говорили о русском искусстве. Иван Петрович рассказал, как он вместе с сыном давно увлекается коллекционированием картин русских художников. В его коллекции и Репин, и Суриков, и Верещагин, и Дубовский, и Клевер, и много, много других художников.

Иван Петрович подробно рассказывал о своих любимых картинах. Очень тонко говорил он о мастерстве Поленова, Виктора Васнецова, о портретах Серова. Иван Петрович вспоминал свою последнюю встречу с Репиным в Финляндии; сердечно отзывался о художнике Ярошенко, который написал портрет его сына Владимира, и с особым восхищением говорил о Викторе Васнецове.

— Пойдите-ка, пойдите-ка, ведь это же замечательно! — сказал он и потряс своей рукой. Ему не хватало слов, чтобы выразить свой восторг перед Васнецовым. Потом он очень убедительно произнес: «Я считаю, что “Мария с младенцем” Васнецова, которую я видел в Киевском соборе, величайшее произведение, оно равносильно “Мадонне” Рафаэля».

Признаюсь, вначале мне показалось, что Иван Петрович выразил это смелое суждение в порыве увлечения, но потом я не раз думал о том, что действительно многие выдающиеся произведения русских художников до сих пор недооценены в полной мере, в том числе самобытная, неповторимая, красочная палитра Виктора Васнецова.

Иван Петрович не скрывал своих горячих симпатий к художникам-передвижникам, к древним русским иконописцам; одновременно он был большим знатоком эпохи Возрождения, хвалил Тициана и как мастера, и как человека; горячо доказывал, что светлый дух Возрождения никогда не иссякнет, и тут же с присущим ему юмором бичевал всякие «измы» и декадентские «опусы» в искусстве.

Иван Петрович поражал меня своими неожиданными мыслями. Это был дерзновенный искатель правды. Ученый, глубоко познавший мир, был врагом лжи и фальши и в жизни, и в искусстве.

Меня и мою жену, Маргариту Ивановну, поражала аккуратность и точность Ивана Петровича. Ровно-ровнешенько в десять у нас в квартире раздавался его звонок.

Маргарита Ивановна даже попросила однажды Ивана Петровича раскрыть «секрет» такой точности.

Иван Петрович улыбнулся, вытащил большие карманные часы и лукаво произнес:

— А я прихожу на две-три минуты раньше. Подходит стрелка к десяти, ну и звоню.

Маргарита Ивановна узнала, что академик не очень-то любит ездить в автомашине. Ей пришла мысль договориться с нью-йоркским «Ванькой», одним из тех, которые стоят по вечерам около «Hotel Plaza». Их нанимают уставшие от автомашин и самолетов американцы; отдавая дань старине, они медленным шагом прокатываются вокруг Центрального парка.

Вечером Маргарита Ивановна отправилась за угол 59-й авеню, где стоял единственный извозчик. Был он очень стар и всем своим обликом напоминал мумию. И лошадка была ему под стать.

Извозчик обрадовался и хотел прокатить Маргариту Ивановну вокруг парка. Каково же было его удивление, когда Марга-

рита Ивановна предложила ему подать лошадь только на следующий день, ровно к 9 час. 30 мин. утра к подъезду «Chemical Club» и привезти оттуда двух джентльменов на «Washington Square».

Извозчик растерялся, медленно слез с козел и попросил повторить название улицы, куда должен был он доставить утром седоков.

— Я ездил туда лет двадцать пять тому назад. А как же я узнаю ваших джентльменов?

— Сразу узнаете, — ответила ему Маргарита Ивановна, — один из них с белой бородой, а другой молодой и высокий.

— С бородой? — удивился извозчик. — Значит иностранцы. Смешной народ. Среди бела дня ехать по делу и на лошадке!

Маргарита Ивановна дала извозчику три доллара, и он обещал ровно к 9 час. 30 мин. быть у подъезда.

Придя домой, жена сообщила по телефону Владимиру Ивановичу, что утром за ними приедет настоящий «русский извозчик».

На следующее утро, когда часы пробили десять, Павловых не было.

Вскоре раздался телефонный звонок, и Владимир Иванович взволнованным голосом сообщил, что извозчик не приехал и они выезжают на такси.

Прошло минут пятнадцать. Раздался звонок. Иван Петрович вошел ко мне в мастерскую быстрой походкой. Он был возбужден и раздосадованным голосом обратился к Маргарите Ивановне:

— Что же это вы придумали с Владимиром? Мы ждали, ждали у подъезда вашего извозчика, так и не дождались. Да слышанное ли это дело, в Нью-Йорке да на извозчике? Ненавижу опаздывать. Весь день испорчен. Уж вы простите меня, Сергей Тимофеевич, за опоздание.

Моя жена был смущена. И, действительно, в этот день и моя работа как-то не клеилась.

Вечером Маргарита Ивановна все же решила узнать, почему извозчик нарушил свое обещание. Она застала его на прежнем месте, со скучающим видом смотревшим вдаль.

Извозчик медленно полез в карман, протянул три доллара и сказал с сожалением:

— Я ничего не мог сделать со старой лошадкой. Как я ее ни бил, она не послушалась меня и, как всегда, пошла своей привычной дорогой. Вот уже сколько лет она привыкла катать публику только вокруг парка!

Когда на следующий день Иван Петрович узнал об этом, он весело рассмеялся и, прохаживаясь по студии, сказал:

— Вот еще одно доказательство моей теории!

Иван Петрович по временам становился молчаливым и свое настроение объяснял тоской по России.

Когда после сеанса мы по обыкновению пили чай с медом, Иван Петрович не раз говорил, что ему уже надоело в Нью-Йорке. Да и стол американский ему наскучил.

— Сначала подают дыню с солью, а потом какую-то травку. Не по мне все это! Лучше один хлеб буду есть. Соскучился я по нашему борщу, по каше, по ржаному хлебу.

— Иван Петрович! Но и здесь есть русский ресторан, где в меню и щи, и каша, и даже черный хлеб, — сказала Маргарита Ивановна.

— Да что вы, — удивился Иван Петрович. После окончания работы мы отправились в русский ресторан «Russian Bear».

Иван Петрович шел быстро и бодро, опираясь на трость. При переходе через дорогу его хотели взять под руку, но Иван Петрович отмахнулся:

— Я сам, я сам!

В ресторане он ел с нескрываемым аппетитом.

С того дня мы ежедневно посещали русский ресторан, где Иван Петрович неизменно заказывал борщ, кашу или сырники и чай.

Работа над бюстом приближалась к концу. Все чаще и чаще Иван Петрович спрашивал сына:

— Владимир, а сколько еще дней нам здесь жить? Когда уходит пароход?

Было очевидно, что Павлов только и думает об отъезде. Быстро пролетело время, проведенное в работе над бюстом Павлова.

Вот я уже накинул покрывало на окончанный портрет, но и после этого мы ежедневно встречались с Иваном Петровичем.

Помню день прощания. Иван Петрович был в отличном настроении. По всему чувствовалось, что он очень рад предстоящему отъезду.

В порту собралось много провожающих. Приятно было видеть, что крупнейшие ученые — физиологи, психиатры, медики — воздают должное гордости русской науки.

Выступления академика Павлова на научных конгрессах в Бостоне и в Нью-Хейвене произвели большое впечатление на американских ученых. Среди них у Павлова было много научных друзей, почитателей и последователей.

Сколько добрых слов услышал тогда Иван Петрович. Было видно, что сердечность проводов растрогала его. Но он спешил на пароход.

До сих пор вижу его хорошо сложенную, подвижную фигуру. Он энергично пожал мне руку.

Среди провожающих шел разговор о том, что Иван Петрович дал согласие еще раз прибыть в Америку на Международный неврологический конгресс.

— Приезжайте! — крикнул кто-то Ивану Петровичу по-русски. Иван Петрович своим характерным стремительным жестом показал на небо, и до нас донесся его звонкий и бодрый голос:

— Прилечу!

После отъезда Ивана Петровича я по памяти вылепил его и во весь рост, с тростью в руке. Портрет Павлова, вылепленный с натуры в гипсе в 1929 г., в 1952 г. я перевел в мрамор.

Я счастлив, что мне удалось запечатлеть в скульптуре титана науки, ум которого проникал в глубину жизни, во имя познания, славы Родины и счастья грядущих поколений.

